

Китай и XVIII съезд КПК

Внутренние и внешние ориентиры

Сергей Лузянин

Отчетный доклад бывшего Генерального секретаря КПК Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК, проходившем с 8 по 14 ноября 2012 г. в Пекине, был подготовлен в достаточно сухом, традиционном партийном стиле как по форме подачи материала, так и по содержанию. Текст выступления перенасыщен лозунгами и призывами, рассчитан на подготовленного слушателя, разбирающегося в тонкостях китайской политической лексики.

Лейтмотивом шли лозунги и призывы:

- «Неуклонно крепить дело социализма с китайской спецификой!»;
- «Сохранять верность идеям Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, «тройного представительства Цзян Цзэминя!»;
- «Неуклонно придерживаться «научной концепции развития Ху Цзиньтао!» и др.¹

Название отчетного доклада – «Твердо продвигаться по пути социализма с китайской спецификой и бороться за полное построение среднезажиточного общества» – соответствовало сложившемуся протоколу и духу выступления.

Резким контрастом выглядела речь нового партийного руководителя – Си Цзиньпина, избранного Пленумом ЦК КПК.

Он говорил образным и понятным миллионам китайцев языком, обращался не к узкой партийной номенклатуре, а ко всей китайской нации. Около десяти раз (в том или ином контексте) он использовал термин «возрождение китайской нации» и только один раз – «социализм с китайской спецификой».

ЛУЗЯНИН Сергей Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН. *E-mail:* Lousianin@ifes-ras.ru

Ключевые слова: Китай, Коммунистическая партия Китая, XVIII съезд, Ху Цзиньтао, Си Цзиньпин, Бо Силай, возвышение китайской нации.

В речи Си Цзиньпина, который предложил китайцам «слушать мир», а миру «слушать Китай», просматривались элементы некоего западного политического шоу, большая раскованность и демократичность в общении, шел разговор о насущных проблемах: борьбе с коррупцией, социальном неравенстве, развитии экологии и культуры.

Внутренняя политика. Четыре новых аспекта

Очевидно, что за стилистическими различиями кроются новые политико-идеологические моменты.

Во-первых, накануне съезда в китайском партийном руководстве возникла дискуссия по поводу включения идей Мао Цзэдуна в базовые лозунги съезда и новый вариант Устава партии.

Часть политиков предлагала ограничиться вкладом в теорию «китайского социализма» только трех руководителей – Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао, а имя Мао не упоминать. Другие выступали за сохранение идей «Великого кормчего» и продолжение курса на некую канонизацию культа Председателя.

Последний подход все-таки возобладал. Упоминание о Мао и его вкладе сохранилось в базовых лозунгах партийного форума, войдя в новую редакцию Устава КПК. Однако сам факт подобного обсуждения говорит о наличии определенных сил в китайском руководстве, настроенных на некое отделение классового методологии Председателя Мао от нынешней китайской модернизации, построенной на известной конвергенции социализма и капитализма.

Во-вторых, накануне съезда было полностью обновлено военное руководство. Пожилые генералы ушли на заслуженный отдых, уступив место 60-летним.

После окончания съезда Ху Цзиньтао передал пост главнокомандующего и Председателя Центрального Военного Совета (ЦВС) ЦК КПК новому Генеральному секретарю – Си Цзиньпину. Этот факт вышел за рамки сложившегося механизма. Как правило, все уходящие генеральные секретари сохраняли за собой пост Председателя ЦВС после сдачи партийного руководства на 4–5 лет. В основе данного шага Ху Цзиньтао, возможно, лежит его желание публично выразить полное доверие новому руководителю.

В-третьих, принципиально новыми стали некоторые озвученные на съезде цифры и планы социально-экономического развития КНР до 2020 г. Если ранее китайские руководители планировали увеличение совокупного ВВП Китая, то на XVIII съезде впервые была сформулирована задача удвоения душевого ВВП (в два раза) к 2020 г. как часть реализации стратегии создания общества «малой зажиточности». Был сделан акцент на социальные параметры и улучшение качества жизни.

Известно, что, несмотря на второе место в мире по общему ВВП, Китай не входит и в первую сотню государств по душевому ВВП. Фактически Ху Цзиньтао поставил перед Си Цзиньпином и другими руководителями чрезвычайно трудную задачу,

которую нужно решить всего за 8 лет. Ее трудность обусловлена не только самым большим в мире населением, но и ростом различных внутренних и внешних вызовов – углублением социальной дифференциации в обществе (увеличение числа бедных и богатых), а также необходимостью изменения экономической стратегии развития КНР – переход от экстенсивного к интенсивному развитию, основанному на преимущественном использовании инноваций и внутреннего рынка. Последнее предполагает некоторое снижение годовых темпов прироста ВВП – от нынешних 10%, до 7–7,5% в ближайшие годы.

В-четвертых, персональный и количественный состав Постоянного комитета Политбюро КПК (ПК), являющийся высшим коллегиальным органом власти КПК, также подвергся обновлению. В последние годы в ПК входило девять человек. На послесъездовском Пленуме было решено сократить до семи. Возможно, что причины этого связаны с желанием Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина за счет сокращения укрепить стабильность и баланс сил в данном институте.

В итоговую «семерку» вошли:

– Си Цзиньпин (59 лет, генсек и заместитель Председателя КНР, в марте 2013 г. займет пост Председателя КНР);

– Ли Кэцян (57 лет, вице-премьер, займет пост премьера Госсовета КНР);

– Ван Цишань (64 года, секретарь Центральной комиссии по проверке дисциплины и борьбе с коррупцией);

– Чжан Дэцзян (секретарь Чунцинского горкома КПК, в марте

2013 г., возможно, станет главой Всекитайского собрания народных представителей – ВСНП);

– Юй Чжэншэн (65 лет, бывший секретарь Шанхайского горкома, с марта 2013 г. – вероятный кандидат на должность главы Постоянного комитета Народного политического консультативного совета Китая);

– Лю Юньшань (65 лет, будет руководить Секретариатом ЦК);

– Чжан Гаоли (бывший секретарь Тяньцзиньского горкома, займет пост вице-премьера).

Персональный состав ПК говорит о сформировавшемся балансе сил между неформальными группами – людьми бывшего руководителя Цзян Цзэминя («шанхайцы») и бывшего Генерального секретаря КПК Ху Цзиньтао («комсомольцы»). При этом в состав семи не вошел 57-летний либерал и реформатор из провинции Гуандун – Ван Ян и вице-премьер Ли Юаньчао. Возможно, что это ослабило позиции тех политиков, которые выступают за углубление либерально-экономических реформ в стране, прежде всего нынешнего премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао.

Косвенное влияние на формирование китайской «политической кухни» оказало скандальное дело бывшего секретаря Чунцинского горкома, члена Политбюро Бо Силая, обвиненного в коррупции и исключенного из партии накануне съезда.

Опальный политик олицетворял интересы и чаяния неформального движения в Китае – так называемых «новых левых», выступающих за возрождение и усиление социализма в стране. Его представители считают, что в ходе реформ за 30 лет в КНР социалистические ценности и основы,

заложенные Председателем Мао, деформированы, а дальнейшее углубление либерально-капиталистических реформ неизбежно приведет Китай на рельсы капитализма, а в конечном счете – к гибели партии и страны. «Новые левые» жестко критикуют власти за коррупцию, социальное расслоение, сближение с США и Европой.

Фактически, отправив в отставку Бо Силая, руководство дистанцировалось от радикальных «левых» настроений. Недопущение в ПК либе-

ралов одновременно означает желание китайских лидеров занять центристскую позицию между двумя основными политическими течениями, стихийно развивающимися в китайском обществе. Си Цзиньпин и Ли Кэцян, скорее всего, будут жестко выдерживать эту компромиссную (центристскую) линию, поскольку любой их шаг вправо или влево автоматически приведет к дестабилизации Китая. Не исключен и вариант некоторого закручивания гаек в стране – в плане усиления вертикали власти.

Внешняя политика. Когда Китай «выйдет из тени»?

Внешнеполитический раздел доклада Ху Цзиньтао так же сформулирован достаточно сдержанно и традиционно – без резких выпадов и комплиментов в адрес конкретных стран, без радикальных заявлений и определений. Использовались известные идеи создания «гармоничного и справедливого мира» и характеристики современной эпохи как «эпохи мира и развития».

Относительно новым стал тезис о необходимости превращения Китая в «могущественную морскую державу», зашифрованный почему-то в экологический раздел доклада Ху Цзиньтао. Упоминание об этом заставило экспертов говорить о желании КНР в ближайшее время усилить военно-морскую составляющую оборонной доктрины КНР. В пользу данного сценария свидетельствует и другая мысль, изложенная в отчетном докладе, – необходимость для китайской армии учиться побеждать в «локальных войнах», продолжать техническое перевооружение и готовиться действовать в условиях информатизации боевых действий¹.

К слову, в работе съезда принимал участие 251 военный делегат, из которых 80% представляли высший командный состав.

В группу приоритетных международных организаций попали ООН, G20, ШОС и БРИКС.

Ху Цзиньтао именно в таком порядке их перечислил. Общий лейтмотив, просматривающийся в материалах съезда, связан с идеей нового возвышения китайской нации и желанием выйти на уровень мировой державы.

Российский китаист, доктор исторических наук А.В.Виноградов справедливо замечает, что «с точки зрения цивилизационного развития главная цель (Китая, – Авт.) – восстановить историческую справедливость, вернуть себе место регионального лидера и мировой статус, т.е. примерно 1/3 мирового ВВП. В соответствии с этим Китай стремится стать мировой державой по статусу и региональной по ответственности»².

В 90-е годы Дэн Сяопин дал указание из 24 иероглифов о том, что во внешней политике Китаю следует «хладнокровно наблюдать», «вести себя скромно», «не претендовать на

лидерство», «выжидать в тени», «крепко стоять на ногах» и др.

В течение всего периода реформ это было основой внешнеполитического курса страны. Сегодня в экспертном сообществе КНР также развернулась острая дискуссия по поводу наследия Дэна Сяопина. Многие говорят, что часть заветов Дэна выполнена, они уже не актуальны, поскольку не соответствуют реальному влиянию Китая в мире. Что нужны новые, «инновационные» иероглифы, которые бы радикально обновили внешнеполитические принципы патриарха китайских реформ.

Особое неприятие вызывают указания Дэна быть «в тени», «вести себя скромно» и «не претендовать на лидерство». По мнению ряда китайских экспертов, Китай сегодня уже может «спокойно выйти из тени» (де-факто он уже вышел в отдельных сферах), что пришло его время предлагать миру свои инициативы и он имеет право претендовать на мировое лидерство, оттесняя США.

Многие китайские военные эксперты «рвутся в бой», говорят об «устарелости» курса на избегание конфликтов и лавирование. Открыто предлагается не «бояться конфликтов», не уклоняться от них, а, наоборот, занимать жесткую, наступательную позицию. Поскольку, по их мнению, КНР уже способна «дать отпор любому врагу».

Партийный съезд косвенно поддержал отдельные призывы «выйти из тени». На уровне китайского руководства радикализм некоторых экспертов воспринимается как некий плюрализм мнений, как попытки ученых дать сразу несколько альтернативных вариантов внешнеполити-

ческой повестки. От новаторски жесткой до мягкой, традиционной, выдержанной в духе идей руководителей прежнего поколения.

Особенно радикальной выглядит полемика в китайском Интернете. Идеи быстро доходят до массового читателя, которому более близка и понятна риторика в духе «друг – враг». Миллионы простых китайцев видят, какой влиятельной стала их страна, испытывают законную гордость за возрождение китайской нации. При этом многие не понимают, почему руководство действует по старинке – осторожно, осмотрительно и идет на компромиссы, особенно в отношениях с США.

В китайском обществе стихийно сформировался запрос на более решительную внешнюю политику и соответствующих лидеров, которые могли бы более твердо говорить со всем миром. Среди части молодежи существуют активные национально-патриотические группы (движения), готовые в любую минуту откликнуться на призыв партии и правительства по тому или иному внешнему поводу. Яркий пример – реакция на «островные противоречия» Китая и Японии по Дяюйдао/Сенкаку.

Трудно точно сказать, были ли протесты санкционированы на самом верху, но антияпонские выступления прошли в десятках городах страны с огромным размахом. Причем то, что происходило вокруг японских компаний, работающих в КНР, или японского посольства, – это часть айсберга. Если абстрагироваться от Японии, под водой остался огромный запас еще не истраченной протестной энергетики, которая теоретически легко может взорваться

на антиамериканском, антииндийском, антивьетнамском и других направлениях, выплеснувшись на улицы и площади.

Проблема в том, что китайское руководство, видимо, полагало, что полностью управляет и контролирует эти настроения. Японский случай показал, что это не совсем так. На каком-то этапе антияпонские выступления, скорее всего, вышли из-под контроля. Китайские руководители приложили немало усилий, чтобы как-то обуздать радикализм части молодежи и вернуть ситуацию в русло традиционного китайско-японского противостояния.

К слову, вспоминаются печальные фрагменты культурной революции, в частности, указание Председателя Мао хунвейбинам, своим молодым красным охранникам, открыть «огонь по штабам» (партийным и правительственным структурам). Тогда этот огонь прошелся разрушительным смерчем по стране. Это уже история. Но проблема враждебных штабов в Китае, видимо, осталась (о чем нам напоминает дело Бо Силая).

Принципиальная задача нового руководства – удержаться от соблазна поиска новых «штабов» во внешней политике – в Токио, Вашингтоне или где-то еще. Поскольку в этом случае никто не даст гарантий, что «огненная стихия» не перекинется с внешних на внутренних врагов.

Глобальная политика Китая предполагает уточнение статуса Китая в мире и параметров современной эпохи. XVIII съезд подтвердил официальный статус Китая как большого «развивающегося государства». В китайском экспертном сообществе фигурируют, что «великое государство»,

«большая держава», «большая региональная держава» и пр. В новом высшем руководстве, видимо, на ближайшие 10 лет сохранится тезис «Китай – развивающееся государство». Время объявлять Китай сверхдержавой, как отмечено на съезде, придет к 100-летию образования КНР (2049 г.).

Что касается современной эпохи, то в съездовской редакции она осталась эпохой «мира и развития». Региональные и глобальные кризисы, рост общей нестабильности заставляют экспертов говорить о дополнительных параметрах – «неопределенность», «турбулентность в международных отношениях».

Растет удельный вес КНР в мировой экономике.

Если в 2002 г. по ВВП Китай был на пятом месте, то в 2012 г. он занимает второе место в мире.

По объемам внешней торговли тоже вторая позиция.

КНР стала частью системы глобального управления. Это касается ее деятельности в G20, МВФ, ООН, Всемирном банке и др., а также в глобальных и региональных форумах БРИКС, РИК, ШОС, АТЭС и пр.

В связи с реализацией Китаем проекта «глобальная держава», возникает закономерный вопрос: достаточно ли одной экономической мощи КНР для подобной трансформации или необходимо ее подкрепить соответствующим уровнем военно-стратегического потенциала (сопоставимым с США и Россией)? Судя по настроениям китайских высших военных чинов, темпам и планам перевооружений и развития стратегических компонентов, похоже, одной экономики недостаточно.

Китай явно подошел к переосмыслению своего гуманитарного влияния в мире. В руководстве понимают, что кроме экспорта товаров и инвестиций необходим массовый экспорт идей и китайских культурных ценностей. Это сделать непросто по причинам традиционной самодостаточности китайской цивилизации, определенной изолированности Китая в Средние века и Новое время, а также в силу сложного и не всегда адекватного восприятия Западом китайских ценностей.

Тем не менее реализация внешней гуманитарной политики КНР активно идет. Китайское центральное телевидение (CCTV) вещает на шести языках, институты Конфуция действуют в 95 странах, постоянно расширяет охват аудитории международное радио Китая. Из знаковых мероприятий этого ряда следует указать успешную для КНР пекинскую

летнюю Олимпиаду, шанхайскую выставку «ЭКСПО-2011» и ряд других.

Китайские эксперты и отдельные политики спорят сегодня о рамках и формах китайского культурного влияния в мире. Одни делают акцент на расширении самого понятия и роли «мягкой силы» во внешней политике, предлагая сделать ее основой для большинства шагов, придать ей системный характер. Другие предлагают сочетать жесткие политические меры с «мягким» влиянием.

Присуждение Нобелевской премии по литературе китайскому писателю Мо Яню, накануне открытия XVIII съезда КПК, усилило позиции сторонников более активной «культурной экспансии». В любом случае у Китая в политике «мягкой силы» кроме уже действующих инструментов появился еще один весомый нобелевский козырь.

Примечания

¹ Ху Цзиньтао. Доклад на XVIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая // URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11/16/content_27138204.htm

² Виноградов А.В. Политическая ситуация в Китае накануне XVIII съезда КПК // Десятилетие устойчивого развития: политические итоги. Серия В «Общество и государство в Китае в период реформ». М.: ИДВ РАН, 2012. Вып. 27. С. 22.